

ВОПРОС О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МИТРОПОЛИТА ПЕТРА (ПОЛЯНСКОГО) С «ПРАВОЙ» ЦЕРКОВНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И МИТРОПОЛИТОМ СЕРГИЕМ (СТРАГОРОДСКИМ)

Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра с «правой» оппозицией, с одной стороны, и с митрополитом Сергием, с другой, представляется принципиально важным. Вступивший в соответствии с завещанием святого Патриарха Тихона в апреле 1925 года в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, святитель Петр был признан в этом качестве всей полнотой Русской Православной Церкви¹. Арест митрополита Петра в декабре 1925 года не привел к его отказу от местоблюстительских прав, несмотря на колоссальное давление, которому он подвергался со стороны ОГПУ. Не осужденный никаким церковным судом, хотя и лишенный возможности реально стоять во главе высшего церковного управления, священномученик Петр оставался каноническим Первоиерархом Русской Православной Церкви. Митрополит Сергей, в соответствии с общепризнанным его титулом, был лишь *заместителем*² митрополита Петра.

Как главу Русской Церкви священномученика Петра поминали на первом месте за богослужением и сторонники митрополита Сергия, и подавляющее большинство его оппонентов. Признание (хотя бы формальное) Патриаршего Местоблюстителя своим церковным возглавителем и для той и для другой стороны было одним из основных аргументов в пользу своей собственной каноничности и сохранения связи с полнотой Вселенской Церкви. С обеих сторон предпринимались попытки подкрепить свои позиции ссылками на поддержку их митрополитом Петром. Необходимо выяснить, насколько обоснованными были все эти ссылки. Есть ли какие-нибудь основания рассматривать священномученика Петра в ряду «правой» церковной оппозиции, либо же он в целом был солидарен с действиями своего заместителя? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к документам тех лет.

Взаимоотношения основных представителей «правой» церковной оппозиции и митрополита Петра

В посвященной митрополиту Петру книге не установленного точно автора³ «*Кифа*» приводится следующая общая характеристика отношения к нему представителей «правой» оппозиции: «*Начавшаяся тяжелая*

¹ Необходимость вступления митрополита Петра в должность Патриаршего Местоблюстителя была сразу же подтверждена решением почти шестидесяти Российских архиереев, присутствовавших 12 апреля 1925 года при погребении Патриарха Тихона (см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917-1943 / *Сост. М. Е. Губонин*. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 413-417).

Не подписавшие непосредственно этот акт, как правило по причине пребывания в заключении или ссылке, православные епископы Российской Церкви почти все так или иначе позднее засвидетельствовали свое признание святителя Петра Патриаршим Местоблюстителем (в том числе и указанные первыми в патриаршем завещании митрополиты Кирилл и Агафангел).

Из принадлежавших к Патриаршей Российской Церкви иерархов полномочия митрополита Петра открыто не признали лишь единицы. Самым известным из них был бывший Уфимский епископ Андрей, заявивший, что «*эта игра в завещания совсем не канонична*» (*Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М.: Терра, 1991. С. 194. Здесь и далее в работе цитаты для удобства восприятия выделены курсивом. Курсив сохраняется и в тех случаях, когда цитаты приведены не дословно).

Зарубежный Архиерейский Синод об официальном признании митрополита Петра в качестве законного Патриаршего Местоблюстителя объявил 12 ноября 1925 года (см.: *Священник Георгий Митрофанов*. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920-1927 гг. СПб.: Ноах, 1995. С. 50).

² Митрополит Сергей пытался при этом убедить оппонентов не придавать большого значения самому термину «*заместитель*», в связи с тем, что, по его мнению, заместитель ни в чем не уступал в правах замещаемому и собственно титул его должен был быть «*Временно исполняющий обязанности Патриаршего Местоблюстителя*» (см. его письма митрополиту Кириллу и статью «*О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя*»: Акты... С. 645, 677-678, 694-696).

³ Предположительно, автором книги был М. Е. Губонин.

полоса внутренних церковных отколов и отходов от Заместителя, явно превысившего свои временные полномочия и ставшего теперь (в вопросе о «Декларации») на путь самочиния, характерна тем обстоятельством, что все отделяющиеся от него – кто бы они ни были – считали своим неперменным долгом декларировать верность и преданность законному священноначалию Русской Церкви в лице единственного тогда, неоспоримого для всех, авторитета – Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра...

Во всеуслышание отряса сергианский прах от ног своих, все таковые с тем большим рвением прилеплялись в своем духовном общении к Исповеднику – Патриаршему Местоблюстителю, светившему им из своего далекого изгнания светом Правды, Чистоты и Верности заветам Русского Православия»⁴.

Несмотря на полемическую резкость, присущую процитированному отрывку, характерная почти для всех заявлений об отделении от митрополита Сергия особенность в нем отмечена верно.

Первым в ряду подобного рода документов может быть указано Окружное послание Архиерейского Собора РПЦЗ от 9 сентября 1927 года. В нем, в частности, говорилось: «1) Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью...

3) Заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывною, духовно-единою ветвью великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Матери Церкви и не считает себя автокефальною. Она по-прежнему считает своею главою Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями»⁵.

С конца 1927 – начала 1928 года поток подобного рода заявлений уже собственно российских церковных деятелей принял лавинообразный характер. Обращение ленинградского духовенства и верующих к митрополиту Сергию, написанное 9-11 декабря 1927 года и переданное ему при состоявшейся встрече с ленинградской делегацией 12 декабря (то есть еще до акта об отходе), заканчивалось следующим предупреждением на тот случай, если оно (обращение) принято не будет: «Наше отречение, которое направлено против Вашего послания и связанной с ним Вашей деятельностью, должно, к великому нашему прискорбию, быть перенесено и на Ваше лицо, и, сохраняя иерархическое преемство чрез митрополита Петра, мы будем вынуждены прекратить каноническое общение с Вами»⁶.

Сам вскоре появившийся акт отхода двух викариев Ленинградской епархии, епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), от Заместителя от 26 декабря 1927 года среди прочего гласил: «...Оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного епархиального митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет...»⁷

Благословивший этот отход митрополит Иосиф (Петровых) менее чем через две недели писал примерно то же самое: «...Отмежевываясь от митрополита Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного Первосвященителя митрополита Петра...»⁸

Другой аналогичный акт – письмо Заместителю московского протоиерея Валентина Свенцицкого от 12 января 1928 года – содержал следующие слова: «...Оставаясь верным и послушным сыном Единой Святой Православной Церкви, я признаю Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Петра...»⁹

Управляющий Воронежской епархией епископ Алексей (Буй) заявлял 22 января того же года: «...Отныне отмежевываюсь от митрополита Сергия, его неканонического Синода и деяний их, сохраняя каноническое преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого»¹⁰.

Через три дня епископ Никольский Иерофей (Афоник) в послании к причту и мирянам Великоустюгской епархии объявил о своем отходе от Заместителя, отметив при этом: «...Желая слышать от вас, дорогие чада, что вы единодушны и единомысленны со мною, а также уважая свободу вашего самоопределения...

⁴ «Кифа». Машинопись. Архив ПСТБИ.

⁵ *Архиепископ Никон (Рклицкий)*. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: В 10-ти т. Т. 6. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. С. 231-232; *Священник Георгий Митрофанов*. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 141-142.

⁶ *Антонов В. В.* Ответ на Декларацию // *Русский Пастырь* (Сан-Франциско). 1996. № 1 (24). С. 79; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ Мемориал, 1999. С. 218.

⁷ Акты... С. 544.

⁸ Там же. С. 552.

⁹ Там же. С. 553.

¹⁰ Там же. С. 564.

предлагаю огласить и обсудить мое послание на собраниях верующих, дабы все знали положение дела и свободно пришли в единение со мной, оставаясь верными Патриаршему Местоблюстителю митр[ополиту] Петру и всей Православной Церкви Русской...» Послание епископа Иерофея заканчивалось следующей припиской: «12/25 января 1928 г. получил ответ митр[ополита] Иосифа (Ростов Ярославский): Управляйтесь самостоятельно. Наше оправдание: верность митрополиту Петру. Иосиф»¹¹.

В имевшем, пожалуй, наибольший резонанс акте отхода – обращении пяти архиереев Ярославской церковной области во главе со святителем митрополитом Агафангелом (Преображенским) к митрополиту Сергию от 6 февраля 1928 года – говорилось: «Мы... отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями...»¹²

В 1929 году все эти и им подобные заявления были обобщены священномучеником митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым). В своем письме священномученику епископу Дамаскину (Цедрику) от 19 июня 1929 года он, упомянув о прекращении послушания митрополиту Сергию со стороны всех искренних православных людей, замечал: «Все такие сказали и в своей совести, и в слух другим, что общение с Вселенской Церковью они хранят через Местоблюстителя Патриаршего Престола, но не через его частного уполномоченного»¹³.

В черновике письма митрополита Кирилла митрополиту Сергию от 30 января 1930 года – письма, подводящего итог полемики между ними в 1929-1930 годах, – можно прочесть следующие слова: «Отказываясь подчиняться Вам, как узурпатору церковной власти, я остаюсь в нравственном и каноническом повиновении законному Местоблюстителю митрополиту Петру, не тому носителю бессодержательного титула, какого Вы навязываете Церкви, но живому и полномочному носителю связанных с этим титулом церковных прав»¹⁴.

Таким образом, видно, что приверженность митрополиту Петру в заявлениях различных представителей «правой» оппозиции была практически единодушной. Эта приверженность выражалась не только в принятии его в качестве законного Первоиерарха Русской Церкви, но и в свидетельствах о единении со священномучеником Петром по духу. Митрополит Сергей обвинялся ими (в частности, епископом Димитрием Любимовым) во *внутреннем разрыве* с митрополитом Петром¹⁵.

Условия заключения Патриаршего Местоблюстителя затрудняли возможность установления с ним не только молитвенной связи, однако попытки к этому со стороны оппонентов митрополита Сергия были предприняты. Летом 1929 года епископом Дамаскиным (Цедриком) была организована посылка гонца в заполярный поселок Хэ, где находился в ссылке священномученик Петр¹⁶. Посланницей (монахиней Ириной Буровой) Местоблюстителю были доставлены важнейшие церковные документы конца 1920-х годов (в том числе письма митрополита Кирилла) и письмо с вопросами самого священномученика Дамаскина¹⁷. По возвращении гонца епископ Дамаскин писал: «Паломник наш благополучно все сдал, уже вернулся с ответом пока на

¹¹ ЦА ФСБ РФ. «Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927-1928 гг. Китеж, 1929». Машинопись. С. 220-221.

¹² Акты... С. 574.

¹³ Л[опушанская] Е. Епископы-исповедники. Сан-Франциско, 1971. С. 34.

¹⁴ Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. П-17429. Л. 27. Следует заметить, что в текст отправленного митрополиту Сергию письма данная фраза не вошла (см. Бутаков А. Два письма митрополита Кирилла // Возвращение. 1996. № 4 (8). С. 24-25).

¹⁵ См.: Акты... С. 560.

¹⁶ См.: Л[опушанская] Е. Епископы-исповедники. С. 77-82; Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские: Первое собрание материалов. М.: Светлячок, [б. г.] (Репр. воспр. изд.: Джорданвилль, 1949). С. 161; Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь: Булат, 1996. С. 359.

¹⁷ В деле митрополита Петра 1930 года находятся, по-видимому, изъятые у него типографские экземпляры посланий-деклараций митрополитов Нижегородского Сергия и Киевского Михаила, архиепископа Вятского Павла, а также указа Заместителя № 549 от 21 октября 1927 года «О поминовении за богослужениями» (Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68. Опубликовано: Вслед за июльской Декларацией / Публ. вступл. и прим. А. Мазырина и О. Косик // Богословский сборник. Вып. 9. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 297-322.). Антисергиевские документы священномучеником Петром скорее всего по ознакомлении с ними были уничтожены, во всяком случае в следственном деле они не содержатся.

словах, а на бумаге получится вскоре. Все, мною посланное, оказалось там совершенной новостью. Сразу ответа нельзя было послать по обстоятельствам чисто внешнего характера. Посланный говорит, что после ознакомления дедушка <то есть митрополит Петр> говорил о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами»¹⁸.

Хотя письменного ответа епископ Дамаскин от Патриаршего Местоблюстителя так и не получил, о том, что вышеприведенное описание его реакции на полученные известия было не лишено оснований, можно судить по направленному в декабре 1929 года письму священномученика Петра Заместителю¹⁹.

Помимо епископа Дамаскина, митрополиту Петру писали, конечно же, и другие несогласные с митрополитом Сергием²⁰. В написанном в феврале 1930 года письме Заместителю Патриарший Местоблюститель указывал: «...Ивестия о духовном смятении идут из разных мест и главным образом от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление»²¹. Священномученик Петр допускал при этом, что эти сообщения могли быть *пристрастными*, но ответственность за возникшие раздоры возлагал прежде всего на Заместителя.

О критике митрополитом Петром действий митрополита Сергия ниже речь пойдет особо, здесь же следует отметить, что какая-либо критика Местоблюстителем действий ведущих представителей «правой» оппозиции автору не известна. Не известны, однако, также и бесспорные прямые выражения солидарности с ними.

Кратко подводя итог данного раздела, можно сказать, что для «правой» церковной оппозиции характерным было видеть в митрополите Петре своего канонического главу; в свою очередь Патриарший Местоблюститель, насколько об этом возможно судить по имеющимся сведениям, не осуждал оппонентов митрополита Сергия за их протесты.

Отношение митрополита Сергия к митрополиту Петру

Митрополит Сергей, вставший во главе высшего церковного управления Русской Православной Церкви на основании единоличного распоряжения митрополита Петра от 6 декабря 1925 года²², никогда формально не отрицал первосвятительского достоинства заключенного Патриаршего Местоблюстителя и вплоть до ложного известия о смерти священномученика Петра в конце 1936 года не прекращал возглашения его имени за богослужением²³.

Однако на практике еще летом 1926 года в деятельности Заместителя обозначилась тенденция управлять Русской Церковью полностью самостоятельно. В ходе произошедшей тогда полемики с митрополитом Агафангелом митрополит Сергей заявил: «...Митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими. С другой стороны, я (или кто будет после меня), восприняв на себя вместе с должностью Местоблюстителя и всю ответственность за правильное течение церковных дел, не могу относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы, иначе чем только как распоряжениям или, скорее, советам лица

¹⁸ Л[опушанская] Е. Епископы-исповедники. С. 79.

¹⁹ См.: Акты... С. 681-682.

²⁰ Существуют сведения о том, что вплоть до августа 1930 года в переписке с Патриаршим Местоблюстителем состоял священномученик архиепископ Прокопий (Титов) (см.: Шкаровский М. В. Иосифлянство. С. 120).

²¹ Акты... С. 691.

²² См.: Там же. С. 422.

²³ В соответствии с указом митрополита Сергия о поминовении за богослужением от 21 октября 1927 года возношение имени святителя Петра сохранялось, но формула поминовения менялась (см.: Вслед за июльской Декларацией. С. 302). В обращении ленинградского духовенства и верующих от 9-11 декабря данное постановление комментировалось следующим образом: «Уже за богослужением имя Патриаршего Местоблюстителя возносится словно нехотя, без именованья его "Господином нашим", уже от его заместителя исходят предупреждения о скором совершенном прекращении этого возношения "за отсутствием канонических к тому оснований", уже имя самого заместителя, донныне гласно не поминавшееся в храмах, стало рядом с именем Местоблюстителя и готово вытеснить его...» (Шкаровский М. В. Иосифлянство. С. 217).

12 декабря 1927 года, получив от представителей ленинградской оппозиции среди прочего и данное обращение, митрополит Сергей в ходе состоявшейся с ними беседы признал, что под давлением властей он был готов пойти на отмену поминовения имени митрополита Петра: «Если власти прикажут, так что же будешь делать?» (Протоиерей Владислав Цыпин. Русская Православная Церковь: 1925-1938. М.: Сретенский монастырь, 1999. С. 151). Однако, по всей видимости, *приказания* от властей на этот счет так и не поступило.

безответственного, т. е. могу принимать их к исполнению лишь под своею ответственностью постольку, поскольку нахожу их полезными для Церкви»²⁴.

Сам святитель Петр, очевидно, себя «лицом безответственным» не считал, напротив, в известном послании от 1 января 1927 года свое положение он определял как «высоко-ответственное»²⁵.

Даже такой последовательный сторонник Заместителя, как митрополит Елевферий (Богоявленский), мягко указывал на некорректность его заявления 1926 года: «...Митрополит Сергей... указал на то, что Местоблюститель, находясь в тюрьме или в ссылке, является только титулярным Местоблюстителем и не может делать распоряжений по управлению Церковью, иначе им будет вноситься в церковную жизнь только хаотическое начало...

Что противоречивое, ничем серьезно не обоснованное выступление из несвободы митрополита Петра в деле Церковного Управления, при активном Заместителе, для Церкви не могло быть полезным – это верно. Но утверждать, как принцип, что Местоблюститель, будучи не на свободе, не может вмешиваться в церковные дела вообще, при каких бы то ни было обстоятельствах, потому что он в таком положении является только “титулярным”, едва ли правильно»²⁶.

Между тем этот сомнительный принцип, согласно которому Заместитель становился фигурой, фактически никак не связанной в своих действиях существованием Патриаршего Местоблюстителя, с 1927 года окончательно был принят митрополитом Сергием за основу его отношений с митрополитом Петром²⁷. Важнейшие действия общецерковного значения (учреждение Синода, издание июльской Декларации, массовые перемещения, а затем и запрещения архиереев и др.) были осуществлены Заместителем без каких-либо попыток испросить у Местоблюстителя санкции на их проведение²⁸.

Данное обстоятельство давало не согласным с политикой митрополита Сергия дополнительное основание для резкой критики его деятельности. В качестве примера такой критики можно привести выдержку из анонимного московского документа, написанного в августе 1927 года и условно именуемого «Уста священника» (по первым словам эпиграфа): «Делая то, что он делает, м[итрополит] Сергей во всяком случае обязан был выполнить то, чего он сам требовал от м[итрополита] Агафангела, от бывшего архиепископа Григория Екатеринбургского и проч[их] претендентов на создание новых ориентаций, – испросить благословения своего иерархического начальства. Ведь м[итрополит] Сергей только заместитель Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное и обязанное действовать во всяком случае не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего Господина. Поэтому он должен был запросить м[итрополита] Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному делу и только с благословения того действовать.

²⁴ Акты... С. 478. В этом письме (от 13 июня 1926 года) митрополит Сергей пошел даже далее заявления о том, что распоряжения заключенного митрополита Петра не имеют обязательной силы. Указывая святителю Агафангелу на то, что за объявление себя Местоблюстителем при живом законном Местоблюстителе, он может быть даже лишен сана, митрополит Сергей следом провозгласил, что, приветствуя деяние Ярославского митрополита, сам священномученик Петр подлежит наказанию (Там же. С. 479). Заместитель, таким образом, счел для себя возможным ставить вопрос о наказании им замещаемого, причем за распоряжение, отменяющее его (заместителя) от должности.

²⁵ Там же. С. 492.

²⁶ Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии: (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 244, 246.

²⁷ Последний раз митрополит Сергей проявил своеобразную заинтересованность в предварительном выявлении мнения митрополита Петра по принципиальному для жизни Церкви вопросу в истории с тайными выборами Патриарха осенью 1926 года «...Митрополит Сергей поставил епископу Павлину <(Крошечкину) – одному из инициаторов проведения выборов> условие – получить отзыв о затеваемом мероприятии Местоблюстителя, митрополита Петра. Условие это было обязательным, но вряд ли выполнимым, так как митрополит Петр находился в это время в одиночке Суздальского политизолятора. И, следовательно, испросить отзыв митрополита Петра можно было, лишь поставив в известность обо всем замысле ГПУ. Митрополит Сергей только посмеялся над этим планом и как-то в шутку сказал, что если бы и согласился участвовать в мероприятии, то разве в том случае, если изберут его в Патриархи» (Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 497).

²⁸ Об участии митрополита Сергия в облегчении положения лично митрополита Петра имеются следующие сведения: через профессора И. В. Попова, находившегося в ссылке относительно недалеко от места заключения Патриаршего Местоблюстителя, Заместитель несколько раз тайно пересылал ему денежные переводы. Узнав об источнике этих переводов, митрополит Петр был больно задет тем, что митрополит Сергей боялся оказывать ему помощь открыто. После этого от материальной помощи Заместителя Местоблюститель отказался (см.: Там же. С. 359).

Между тем ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом воззвании нет и следов указаний на то, что так было сделано и что благословение получено. Наоборот, обоснование на <словах> покойного Патр[иарха] Тихона (что страшно сближает м[итрополита] С[ергия] с ВВЦС, лубенцами и проч[ими], обязательно “продолжающими” дело покойного Патриарха Тихона) дает полное основание заключить, что санкции от митроп[олита] Петра не получено. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митрополита Сергия получить благословение м[итрополита] Петра, показывает то сообщение, что в случае несогласия его с деятельностью своего заместителя, м[итрополита] Сергия, этот последний сразу становится таким же “похитителем власти”, как и те лица, о которых он упоминает в своем воззвании»²⁹.

Другой пример – появившееся в октябре 1927 года так называемое «Киевское воззвание» – документ, также имевший довольно широкое хождение в среде «правой» оппозиции. В нем, в частности, говорилось следующее: «Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его Заместитель не может без согласия с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать существующий церковный порядок от всяких опасных опытов и отклонений от твердо намеченного пути... Поскольку Заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, он явно выходит из предела своих полномочий»³⁰.

Смущение, само по себе вызываемое у многих действиями Заместителя, подобными доводами усиливало еще более. На это митрополиту Сергию указывалось и со стороны некоторых его последователей. В том же октябре 1927 года епископ Полонский Максим (Руберовский), заверяя, что лично для него *каждый шаг работы Заместителя законен и свят*, писал ему: «Владыка Святый, весь корень зла, вся злостная инсинуация лежит в том, что Вы действуете будто бы без благословения м[итрополита] Петра, что м[итрополит] Петр будто бы дал право заниматься текущими неважными делами. Рассейте нелепое обвинение, отец родной»³¹.

Возрастающий ропот и обвинения в *самочинии* не могли не тревожить митрополита Сергия, поэтому в ноябре 1927 года им были предприняты особые усилия для успокоения общественного церковного мнения по данному вопросу. Усилия эти заключались в появлении и широком распространении текста доклада епископа Василия (Беляева) о «Вполне удовлетворительном впечатлении» Патриаршего Местоблюстителя от июльской Декларации³².

Вероятно, данное свидетельство действительно успокоило кого-то из колеблющихся. Подробнее о нем и о причинах, в силу которых оно не было убедительным для оппонентов митрополита Сергия, речь пойдет в следующем разделе, в котором будет предпринята попытка выяснить действительное отношение митрополита Петра к деятельности митрополита Сергия. Здесь же, говоря об отношении митрополита Сергия к митрополиту Петру, следует отметить, что история с докладом епископа Василия явилась последним эпизодом, когда Заместитель попытался активно использовать авторитет Патриаршего Местоблюстителя для прикрытия своих действий, хотя бы *post factum*. После этого в сознании сторонников митрополита Сергия все больше стала укореняться позволявшая исключить саму необходимость обращения к такому авторитету формула «Заместитель = Местоблюститель = Патриарх»³³. Ее законченное теоретическое обоснование было дано митрополитом Сергием в 1931 года в статье «О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя», опубликованной в первом номере «Журнала Московской Патриархии».

Об отношениях Заместителя и Местоблюстителя в завершении этой статьи было сказано: «За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряже-

²⁹ ЦА ФСБ РФ. «Дело митрополита Сергия». С. 116. Документ публикуется в настоящем «Богословском сборнике».

³⁰ Акты... С. 518; Шкаровский М. В. Иосифлянство. С. 206-207.

³¹ ЦА ФСБ РФ. «Дело митрополита Сергия». С. 49.

³² См.: Акты... С. 531.

³³ Одним из первых с защитой данной формулы выступил вятский протоиерей Николай Люперсольский. В написанной им и изданной типографским способом в 1928 году записке «Митрополит Сергей Страгородский – законный каноничный Заместитель Патриаршего Местоблюстителя» делался следующий вывод: «...Каждый истинный православный христианин должен признать как то, что митрополит Сергей является каноничным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, так и то, что он временно имеет полномочия на управление Православной Русской Церковью на правах Патриарха, Священного Синода, Высшего Церковного Совета и соединенного Присутствия того и другого» (Там же. С. 626-627).

ниями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором»³⁴.

Таким образом, по мнению митрополита Сергия, даже в случае его очевидных ошибок Патриарший Местоблюститель не имел права на вмешательство. Было бы удивительно, если бы в такой ситуации в адрес Заместителя не раздавались обвинения в узурпации власти. Наиболее активно и аргументированно подобные обвинения выдвигались против митрополита Сергия митрополитом Кириллом и рядом близких ему святителей, таких как епископ Дамаскин (Цедрик), епископ Афанасий (Сахаров) и др.

Крайне самоуверенный тон заявлений Заместителя позволял даже некоторым его противникам делать в отношении него такие предположения, о которых обычно не говорили в открытую. Так, епископ Иоасаф (Удалов) в письме епископу Дамаскину от 20 ноября 1929 года писал: «*А относительно м[итрополита] П[етра] он <митрополит Сергей>, очевидно, договорился с кем следует, ибо во всех своих выступлениях он совершенно игнорирует возможность его воскрешения. Ведь теперь так часто говорят, что в наш век чудес не бывает!*»³⁵

Вершиной некорректности со стороны митрополита Сергия и его Синода по отношению к священномученику Петру явился указ от 27 апреля 1934 года о присвоении Заместителю титула «*Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский*»³⁶. Учитывая обстановку того времени, есть все основания полагать, что данный указ был издан если и не по прямой инициативе государственных органов, то во всяком случае без санкции с их стороны. Заслуживает, однако, внимания тот энтузиазм, с которым это постановление было принято Московской Патриархией³⁷.

В оглашенном митрополитом Алексием (Симанским) адресе на имя митрополита Сергия совершаемое деяние мотивировалось следующим образом: «*...Мудрое руководство кораблем церковным – безграничная любовь Ваша к Матери-Церкви, братское любовное отношение к соепископам-братьям и отеческое ко всем чадам Церкви сделали Вас в общецерковном сознании фактически Первым епископом страны (Апостольское правило 34³⁸)...*

*Посему, приняв во внимание вышеизложенное и продолжающееся вдовство кафедры Первого епископа страны, мы, митрополиты Русской Православной Церкви и члены Патриаршего Священного Синода, в безграничной преданности Вашему Высокопреосвященству, как к своему правящему Первоиерарху, единогласным решением своим положили: усвоить Вашему Высокопреосвященству, в соответствии Вашему высокому и особому положению правящего Первоиерарха Русской Церкви, титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского»*³⁹.

Передовая статья в «Журнале Московской Патриархии» (№ 20-21), посвященная данному событию, была в своем роде еще более выразительна. Начиналась она так: «*В течение последних двух-трех лет среди епископата Патриаршей Церкви возникла мысль о необходимости более твердого и определенного положения Главы Церкви Православной... Десятилетний опыт открывал для многих и многих все неудобство и даже прямой вред “временного”, как бы случайного возглавления отдельными иерархами церковного управления»*⁴⁰.

³⁴ Там же. С. 695-696.

³⁵ Архив УФСБ РФ по Брянской обл. Д. П-8979. Л. 2. Подчеркивания даны согласно источнику (вероятно, сделаны следователем).

³⁶ Акты... С. 704.

³⁷ Следствием этого указа стал канонический и литургический нонсенс: митрополит Московский оказался заместителем митрополита Крутицкого, а за богослужением «Блаженнейший» поминался после «Преосвященнейшего».

Тремя годами ранее сам митрополит Сергей в статье «*О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя*», отстаивая правомерность передачи высшей церковной власти по единоличному завещанию, указывал на особое значение незанятости кафедры Московского Патриарха (см.: Там же. С. 694). Деянием 1934 года Заместитель подтачивал свою же аргументацию.

³⁸ «*Епископам всякого народа подобает знати перваго в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех...*» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: В 2-х т. М.: Международ. издат. центр православл. лит-ры, 1994. Т. 1. С. 98).

³⁹ Акты... С. 702-703.

⁴⁰ Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. М.: Издат. Совет РПЦ, 2001. С. 211.

Таким образом, по мысли редактора (епископа Сергия Воскресенского), девять лет Русская Церковь возглавлялась «как бы случайными» иерархами. Подразумевалось, очевидно, что первым в ряду этих «случайных» лиц был священномученик Петр. О том, что его вступление в управление Церковью было в 1925 году санкционировано гораздо более внушительным собором архиереев, чем в случае с присвоением нового титула митрополиту Сергию, епископ Сергей не вспомнил. Приведенный пассаж, судя по всему, покоробил даже митрополита Елевферия: при воспроизведении в издаваемом им печатном органе «Голос Литовской православной епархии» передовицы из «ЖМП» процитированное место было опущено⁴¹.

Далее в статье епископа Сергия говорилось: «Не только сама личность Блаженнейшего митрополита Сергия, как человека выдающегося и богато одаренного, личность, так гармонически соединившая в себе и науку, и смирение монашеское, и сознание чистоты церковной, и мудрость житейскую, но и его мудрое руководство жизнью церковной, безграничная любовь к Матери-Церкви, братское, евангельски любвеобильное отношение к епископату и всем пасомым, – все это по единомысленному суждению должно усвоить ему кафедру не рядового епископа, а кафедру Первосвященителей, кафедру столичного города.

Когда эта светлая, достойная мысль объединила около себя большинство епископата и духовенства, среди которых было не мало членов Собора 1917 г., она усугубилась желанием отметить Первосвященителя и особым титулом, отличительным от прочих иерархов, титулом **Блаженнейшего**, который, кстати, характеризовал Патриаршее начало в жизни и управлении Русской Православной Церкви»⁴².

Новый титул митрополита Сергия, равно как и разъяснения, данные по поводу его присвоения, недвусмысленно указывали на то, что фактически митрополит Петр Московской Патриархией в расчет более не принимался⁴³. О том, кто действительно являлся Первосвященителем Русской Церкви и кто в первую очередь характеризовал Патриаршее начало в ее жизни и управлении, было забыто.

В выступлениях протеста по этому поводу оппоненты митрополита Сергия смысла уже не видели. Характерное тогда для них настроение выразил епископ Дамаскин (Цедрик) в письме архиепископу Серафиму (Самойловичу) от 15 апреля 1934 года: «Вам еще неизвестно, вероятно, о готовящемся в Москве преподнесении титула “блаженнейшего” и “митрополита Московского”. Как видите, они сами себя уже топят.

Что же можем сделать мы при настоящих условиях? Добиваться удаления м[итрополита] С[ергия]я? Поздно, да и бесполезно. Уйдет м[итрополит] С[ергий]й – остается сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Св[ятой] Ц[ерк]ви ради сохранения внешнего декораума и личного благополучия, которое необходимо является в результате т[а]к наз[ываемой] легализации»⁴⁴.

Со стороны Зарубежного Архиерейского Синода реакции на изменение титула Заместителя также не последовало. Только после запрещения митрополитом Сергием карловацких иерархов в июле 1934 года митрополит Антоний (Храповицкий) в письме митрополиту Елевферию (Богоявленскому) от 20 августа 1934 года мимоходом коснулся этой темы: «Если мы подсудны ему <митрополиту Сергию>, то и он без нашего рассуждения ничего не должен творить по 34 правилу св[ятых] Апостолов, а между тем он никогда не спрашивал нашего мнения ни о чем и, в частности, не спрашивал его, когда заключал союз с безбожниками, учреждал свой неканонический Синод, за которым я не признаю ровно никаких прав, и когда объявлял себя митрополитом Московским при жизни Крутицкого митрополита, коему подведомственна Московская епархия до избрания нового Патриарха. Это есть узурпация прав»⁴⁵.

Вновь обратиться к данной теме, уже в официальном документе, зарубежных иерархов побудило очередное «повышение» митрополита Сергия – объявление его в конце 1936 года Патриаршим Местоблюстителем вместо митрополита Петра. В определении Зарубежного Архиерейского Синода от 12 апреля 1937 года, изданном по этому поводу, в частности, говорилось: «Митрополит Сергей не мог бы быть признан Местоблюстителем уже по одному тому, что он злоупотреблял данною ему властью, присвоив себе титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского. Этот акт не только означает захват им Патриаршей епархии, которую, как Заместитель Местоблюстителя, он должен был временно блюсти до избра-

⁴¹ См.: Торжество в Московской Патриархии // Голос Литовской православной епархии. 1934. № 9-10. С. 82-85.

⁴² Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. С. 212; Торжество в Московской Патриархии. С. 82-83.

⁴³ В статье, описывающей торжества по случаю присвоения митрополиту Сергию нового титула, указывалось на то, что в сказанной после панегирика митрополита Алексия ответной речи Заместитель «засвидетельствовал свое отношение к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру» (Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. С. 214). Однако, какое именно отношение было засвидетельствовано, к сожалению, не сообщалось.

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31265. Л. 74.

⁴⁵ Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого.: В 10-ти т. Т. 7. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1961. С. 356.

ния ей законного иерарха в лице Патриарха Всероссийского, но и колеблет весь строй Патриаршего управления, установленного в Русской Церкви Всероссийским Собором 1917-1918 гг.»⁴⁶

Само присвоение митрополиту Сергию титула Патриаршего Местоблюстителя произошло следующим образом. 27 декабря 1936 года Московской Патриархией было принято определение, согласно которому богослужбное поминовение митрополита Петра без всяких объяснений прекращалось, а в качестве Местоблюстителя предписывалось помянуть митрополита Сергия: «С 1-го января наступающего 1937 года ввести за богослужениями в церквах Московского Патриархата поминовение по следующей форме: после “Святых Патриархов Православных” возносится имя “Патриаршего Местоблюстителя нашего Блаженнейшего митрополита Сергия”, а там, где полагается полный титул: “Патриаршего Местоблюстителя нашего Блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского”...

*Патриарший Местоблюститель Сергей, митрополит Московский»*⁴⁷.

Определение, принятое в таком виде, вызвало смущение даже у многих сторонников митрополита Сергия, в том числе и среди назначенных им правящих архиереев. Один из них, архиепископ Ташкентский Борис (Шипулин), в ответ на свое недоумение получил следующее разъяснение от неустановленного лица: «В основе акта от 27 декабря, как следовало ожидать, лежит объективное обстоятельство – кончина нашего Прото-Кира. Известие о ней поступило к Блаженнейшему 20 декабря. Неделя потребовалась для проверки. Кажется, можно считать установленным, что Прото-Кир скончался 11 сентября 1936 г. Форму, в какую вылилось вытекавшее отсюда распоряжение, не относите за счет автора. Последний делал и продолжает делать все, что не угрожает ничьим интересам, для ее исправления. Он в частных беседах не скрывает ни от кого факта кончины его Предместника, он не препятствует возношению имени почившего за общими поминальными ектеньями, возгласами...»⁴⁸

22 марта 1937 года Патриархией был принят указ о принятии к сведению завещательного распоряжения митрополита Петра от 5 декабря 1925 года, написанного им на случай его кончины⁴⁹. Наконец, только в номере за март-апрель 1937 года «Голоса Литовской православной епархии» (к тому времени по сути единственного печатного органа, остававшегося в распоряжении Московской Патриархии) был напечатан официальный некролог, сообщавший о кончине святителя Петра⁵⁰.

Таким образом, сначала митрополит Сергей был провозглашен Местоблюстителем, затем, спустя почти три месяца, было принято к сведению завещание митрополита Петра, на основании которого состоялось это провозглашение, и лишь после этого появилось официальное сообщение о его кончине, в силу которой и было приведено в действие завещание.

В действительности же во время всех этих событий священномученик Петр был еще жив и был расстрелян только 10 октября 1937 года. Митрополиту Сергию это могло быть неизвестно. Было бы поэтому неправильно обвинять его в том, что он сознательно присвоил себе должность Патриаршего Местоблюстителя при другом, живом Местоблюстителе. Однако порядок восприятия им этой должности оказался новым унижением митрополита Петра, хотя сторонники митрополита Сергия и призывали не относить на его счет форму, в которой произошло это событие.

Суммируя сказанное, можно заключить данный раздел следующим выводом: начиная с 1926 года отношение к Патриаршему Местоблюстителю со стороны его заместителя развивалось как все более явное игнорирование первого вторым. Особенно ярко это проявилось в 1934 года при присвоении митрополиту Сергию титула, значительно более высокого, чем титул, носимый митрополитом Петром. Со стороны оппонентов Заместителя голоса протеста по поводу его отношения к Местоблюстителю, звучавшие довольно громко в конце 1920-х годов, постепенно затихли, так как не могли оказать на него никакого воздействия.

Отношение митрополита Петра к деятельности митрополита Сергия

Первым, получившим широкую известность, свидетельством об отношении митрополита Петра к деятельности митрополита Сергия, ассоциируемой с июльской Декларацией, явился уже упоминавшийся доклад епи-

⁴⁶ Протопресвитер Георгий Граббе. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом: (По поводу книги С. В. Троцкого «О неправде Карловацкого раскола»). Джорданвилль, 1961. С. 126.

⁴⁷ Акты... С. 707; Голос Литовской православной епархии. 1937. № 3-4. С. 21.

⁴⁸ Акты... С. 707-708.

⁴⁹ См.: Голос Литовской православной епархии. 1937. № 3-4. С. 21-22.

⁵⁰ Там же. С. 23-24.

скопа Василия (Беляева) от 11 ноября 1927 года. В этом докладе епископ Василий якобы по поручению митрополита Петра сообщал следующее: «Владыка получил возможность (из газеты “Известия”) прочитать Декларацию нынешнего православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его»⁵¹.

Имея в виду этот доклад, митрополит Сергей заявил в декабре 1927 года делегатам ленинградской оппозиции: «Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?» В ответ Заместитель был тут же поправлен: «Митрополит Петр сказал, что “понимает”, а не принимает Вас. А сам митрополит Петр ничего Вам не писал»⁵².

Основания для сомнения в правильности интерпретации митрополитом Сергием вышеприведенного доклада как однозначного одобрения его деятельности Патриаршим Местоблюстителем могли появиться уже при внимательном чтении самого этого документа. Одна оговорка «совершенно не касаясь ее некоторых абзацев» показывала, что удовлетворительность впечатления, будто бы вынесенного Местоблюстителем от Декларации, была весьма относительной. Более глубокий анализ доклада только усиливал эти сомнения. Пример такого анализа можно найти в уже упоминавшейся книге «Кифа»:

«Из практически испытанного чуть ли ни каждым церковным человеком, а духовенством – всем без изъятия, административно-полицейского опыта тех лет (обыски, допросы, тюрьмы, ссылки, концлагеря, “минусы-б” и пр.), – было совершенно ясно, что, расставаясь в Хэ со своим временным сожителем епископом Василием (Беляевым), митрополит Петр никак не мог иметь какого-либо представления о дальнейшем маршруте отъезжающего сожителя и, тем более, расчета на встречу его с Заместителем...»

Уезжавший из ссылки по “минусу-б” епископ Василий, разумеется, сам не знал, куда в дальнейшем забросит его судьба, и потому никак не мог предложить митрополиту Петру своих услуг для какого-либо поручения. Со своей стороны и Местоблюститель, отлично изучивший на собственном опыте практиковавшуюся тогда административно-карательную “технику”, не рискнул бы поручить чего-либо отбывающему собрату, кроме обычной просьбы (буде представится возможность!) о передаче приветов “всем знающим его”. И, конечно, если бы у митрополита Петра возникла хотя бы некоторая уверенность в непосредственной встрече епископа Василия с митрополитом Сергием в ближайшее же будущее, а главное: если бы Местоблюститель был солидарен с новыми мероприятиями Заместителя и желал бы поддержать эти начинания своим авторитетом, – то нет и не может быть никакого сомнения в том, что он обязательно воспользовался бы выездом епископа Василия из Хэ (даже независимо от возможности встречи последнего с Заместителем в недалеком будущем) для передачи с ним если и не послания своего, то уж во всяком случае, четко сформулированного отношения к “Декларации” и ко всем вытекающим из нее последствиям...»

Отсюда, – ввиду неизвестности для Местоблюстителя дальнейшего маршрута епископа Василия с его “минусом”, – самый факт поручения выступает не только в сомнительном виде, но и совершенно исключается...»

Таким образом, не кажется ли читателю, что ссыльный епископ Василий, срок наказания коего истек лишь 9 января 1929 года – был направлен через Москву, с подсказанным “где-то” поручением передать привет Заместителю от митрополита Петра, который, “по счастливой случайности” как раз недавно “получил возможность” за Полярным кругом ознакомиться с тем именно номером “Известий”, в коем оказалась опубликованной пресловутая “Декларация”?»

Одним словом, – и как бы там ни было, – но ни о каком деловом поручении со стороны Местоблюстителя, данном им будто бы отъезжающему в неопределенном направлении епископу Василию, – говорить не приходится, и все подобного рода предположения должны быть целиком отнесены за счет фантастики доверчивых людей и режиссерского таланта заинтересованных лиц...»⁵³

⁵¹ Акты... С. 531.

⁵² Там же. С. 536. Согласно другому, более позднему, описанию данной беседы тема отношения митрополита Петра к деятельности митрополита Сергия прозвучала в ней несколько иначе: «Так вы хотите раскола? – грозно спросил митрополит Сергей... – Со мной согласно большинство... – Голоса надо, Владыко, не подсчитывать, а взвешивать, – возразил проф[ессор] А[ндреевский]. – Ведь с Вами не согласен митрополит Петр, законный Местоблюститель Патриаршего Престола; с Вами не согласны митрополиты Агафангел, Кирилл и Иосиф...» (Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 6. С. 236).

⁵³ «Кифа». Машинопись. Архив ПСТБИ. Выделения жирным шрифтом в цитате даны в соответствии с источником. Сомнения в отношении миссии епископа Василия могли особенно усилиться у тех, кто знал, сколь зигзагообразным был

Несмотря на звучащие сомнения, митрополит Сергей и его сторонники продолжали настаивать на том, что июльская Декларация была одобрена Патриаршим Местоблюстителем. Так, архиепископ Вятский Павел (Борисовский) в послании к пастве от 14 декабря 1927 года писал: *«Имеем достоверное, в высшей степени важное для Священного Патриаршего Синода, для меня и всех вас известие, что и сам Патриарший Местоблюститель Высокопреосвященнейший митрополит Петр, ознакомившись с нашим воззванием от 16/29 июля с. г., вынес о нем вполне удовлетворительное впечатление и вместе с братским приветом поручил передать нам, что, по его мнению, это воззвание появилось на свет вполне своевременно, как продиктованное необходимостью современного момента исторического бытия родной нашей Православной церкви. Это сообщил нам лично Преосвященный Василий, епископ Спасо-Клепиковский, викарий Рязанской епархии»*⁵⁴.

В Деянии Заместителя и его Синода от 29 марта 1928 года данная тема получила следующее развитие: *«...Послание от 16/29 июля 1927 г. после того, как стало известно митрополиту Петру, одобрено последним и не только одобрено, но и признано им вполне отвечающим требованиям переживаемого церковно-исторического момента, как об этом письменно сообщил и доложил, с благословения митрополита Петра, возвратившийся из ссылки и живший с ним Преосвященный Василий, ныне епископ Елецкий, а равно и келейный иеромонах (ныне архимандрит) Сергей, возвратившийся не более месяца тому назад из Хэ, где жил вместе с митрополитом Петром»*⁵⁵.

Однако все заверения подобного рода не производили и не могли произвести никакого впечатления на оппонентов митрополита Сергея. Они (по крайней мере большинство из них) просто не могли себе представить, чтобы священномучеником Петром политика Заместителя была одобрена. Само пребывание Местоблюстителя в заключении, по их мнению, свидетельствовало против возможности одобрения им такой политики. Довольно отчетливо эта мысль проводилась уже в написанном в середине декабря 1927 года (то есть вскоре после обнародования доклада епископа Василия) обращении ленинградцев к митрополиту Сергию. *«Вы поняли, – говорилось в обращении, – что Вам невозможно оправдать Ваш образ действий именем того, кого Вы ближайшим образом замещали: и вот, минуя Местоблюстителя, даже не вспомнив о нем в своем послании, Вы чрез его ссылную главу как бы протянули руку к самому Патриарху. На основании некоторых неясных, незасвидетельствованных еще прижизненных и устных слов почившего о каких-то “годочках трех”, в течение которых покойный Патриарх будто бы предполагал осуществить дело, тождественное с Вашим, если бы ему не помешала смерть, Вы установили эту призрачную связь свою с Патриархом в то время, как его ближайший заместитель, вероятно, лучше Вашего посвященный в намерения почившего Патриарха, предпочел эти три роковые года провести в ссылках, вместо того, чтобы в течение их поработать в якобы завещанном ему Патриархом направлении»*⁵⁶.

маршрут его перемещений в 1927 году: Соловецкий лагерь – поселок Хэ в низовьях реки Оби – Москва (затем еще Елец). В книге *«За Христа пострадавшие»* приводится мнение М. Е. Губонина по этому поводу: *«...Ссылка епископа Василия на 1 месяц и 23 дня после отбытия срока на Соловках в зимовье Хэ, где в то время находился митрополит Петр (Полянский), производит весьма “странное” впечатление и наводит на мысль о специально подготовленной провокации ОГПУ, орудием которой должен был стать епископ Василий»* (За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917-1956: Биографический справочник. Кн. 1. А-К. М.: Изд-во ПСТБИ, 1997. С. 221).

⁵⁴ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68; Вслед за июльской Декларацией. С. 318-319.

⁵⁵ Акты... С. 593-594. Данная версия для Московской Патриархии надолго стала «официальной» и вскоре зазвучала уже не просто, как *«митрополит Петр одобрил деятельность митрополита Сергея»*, но как *«одобрил и не мог не одобрить»*. Так, митрополит Елевферий (Богоявленский) в 1937 году писал в статье *«Блаженнейший Сергей, митрополит Московский и Коломенский – канонический Местоблюститель»*: *«В Патриархии есть письменный документ [епископа] Василия, на пути из ссылки две недели гостившего у м[итрополита] Петра, в котором он свидетельствует, что м[итрополит] Петр в ссылке был осведомлен о деятельности м[итрополита] Сергея и просил его передать м[итрополиту] Сергию свое одобрение его церковной деятельности. Иначе и быть не могло»* (Голос Литовской православной епархии. 1937. № 9-10. С. 9).

Архимандрит (впоследствии митрополит) Иоанн (Снычев) в своей диссертации в 1960-е годы писал: *«Исходя из доклада епископа Василия, мы видим, что Патриарший Местоблюститель признал Декларацию как необходимое явление того времени, а отсюда, следовательно, и новая церковная политика митрополита Сергея была признана им как явление, не противное Христовой истине. Иначе судить о действиях своего Заместителя митрополит Петр не мог»* (Митрополит Иоанн (Снычев). Церковные расколы... С. 168).

⁵⁶ Шкаровский М. В. Иосифлянство. С. 215.

С особым пафосом возможность одобрения священномучеником Петром действий Заместителя отвергалась автором книги *«Кифа»*: *«...Патриарший Местоблюститель митрополит Петр был насильственно удален со своего поста и подвергнут незаконной пожизненной ссылке именно за то только, что не издал никакой декларации, а тем более – по-*

Сомнения в том, что отношение митрополита Петра к деятельности митрополита Сергия было именно таким, как его представлял Заместитель, усиливались и поведением отдельных его сподвижников из Временного Синода (или во всяком случае тем, как это поведение изображалось в кругах «правой» церковной оппозиции). Так, священномученик епископ Виктор (Островидов) в письме от 11 января 1928 года писал: «...Арх[иепископ] Павел приехал “казнить”, а его встретили предложением: покаяться и отречься от воззвания 16 июля. Он отказался и весьма жалок был в своем оправдании: тогда, – говорит, – меня ожидает тюрьма и всякие лишения... Из поставленных ему вопросов выяснилось, что действуют они без благословения м[итрополита] Петра и сознают, что если он приедет, то удалит их, “и мы уйдем”, так и сказал...»⁵⁷

Начиная с 1928 года вопрос об отношении святителя Петра к происходившим событиям осложнялся еще и тем, что стали появляться внешние контрсвидетельства, говорившие не в пользу митрополита Сергия. Одно из них – свидетельство участников некоей научной экспедиции, будто бы побывавших 22 января 1928 года в районе заключения митрополита Петра и взявших у него интервью. Тогда, согласно документу, Местоблюститель сказал по поводу действий митрополита Сергия: «Для первоиерарха подобное воззвание НЕДОПУСТИМО. К тому же я не понимаю, зачем собран Синод, как я вижу из подписей под воззванием, из ненадежных лиц... В этом воззвании набрасывается на Патриарха и на меня тень, будто бы мы вели сношения с заграничной политической, между тем, кроме церковных, никаких отношений не было. Я не принадлежу к числу непримиримых, мною допущено все, что можно было допустить, и мне предлагалось в более приличных выражениях подписать воззвание, я не согласился, за это и выслан. Я доверял митрополиту Сергию и вижу, что ошибся»⁵⁸.

Если доклад епископа Василия в среде сторонников митрополита Сергия превозносился, как «достоверное, в высшей степени важное известие», то в среде его противников альтернативное свидетельство на такое достоинство не претендовало. Так, ключарем «иосифлянского» кафедрального собора Воскресения на крови в Ленинграде протоиереем Никифором Стрельниковым 5 мая 1931 года на этот счет были даны следующие показания (фигурирующий в них протоиерей Василий Верюжский – настоятель того же собора): «Как слух Верюжский говорил мне, что будто митр[ополит] Петр не одобрял м[итрополита] Сергия за его управление Церковью и что эти сведения сообщил еп[ископу] Дмитрию какой-то профессор, б[ывший] в научной экспедиции в том месте ссылки, где жил митр[ополит] Петр. Фамилии профессора Верюжский не называл и сам этому сообщению придавал значение слуха»⁵⁹.

Данный слух, однако, был далеко не единственным в своем роде⁶⁰. В совокупности же все вышеназванные причины (принципиальное недопущение возможности солидарности Патриаршего Местоблюстителя со «сверхгибкой» политикой Заместителя, крайняя необидительность свидетельств из лагеря сторонников последнего, наличие свидетельств совершенно иного характера) привели к тому, что довольно быстро в среде «правой» церковной оппозиции в значительной мере сформировалось убеждение в том, что митрополит Петр не только не одобряет действий митрополита Сергия, но и вообще полностью порвал с ним. Так, митрополит Иосиф (Петровых), прилагая к своему обращению к ленинградским викариям, пастырям и верующим от 8 февраля 1928 года список епископов, прервавших общение с митрополитом Сергием, начинал его с митрополита Петра Крутицкого⁶¹.

добной заместительской; который только то и делал, что прилагал все силы к тому, чтобы оградить Церковь от сергианской “политики” и от всякой политики вообще; который весь смысл своего первосвятительского руководства Церковью полагал в том, чтобы, подобно своему великому предшественнику Святейшему Патриарху Тихону, сохранить Русскую Церковь, освободившуюся в 1917 г. от тяжких уз царской “политики” в обретенной Ею стихии внутренней свободы и внешней неподчиненности, особенно оберегая Ее – как от чумы – от малейшей возможности повторного подпадения под ярмо новой, антихристианской политики, – к чему, наоборот, так неудержимо стремился Тучков, при удивительном недопонимании этого момента со стороны Заместителя митрополита Сергия!» (Кифа. Машинопись. Архив ПСТБИ).

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. «Дело митрополита Сергия». С. 254.

⁵⁸ Там же. С. 74.

⁵⁹ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 10. Л. 157.

⁶⁰ В качестве примера другого такого слуха, достоверность которого может быть поставлена под еще больший вопрос, можно привести некое «Предание катакомбных христиан». В этом предании, не имеющем точной датировки и приписываемом епископу Нектария (Трезвинскому), в частности, говорится: «Узнав в заточении о подписании Сергием декларации, митрополит Петр схватился за голову, долго ходил по комнате, говоря: “Сергий! Сергий! Что ты надеялся! Погубил ты свою душу и души христианские повел в ересь, на погибель”...» (Послания и письма свят. Нектария // Православная жизнь. 1997. № 2. С. 25).

⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 4. Л. 510. В «Актах...» на с. 575-576 данное обращение митрополита Иосифа приводится без упомянутого списка.

Через некоторое время оппоненты митрополита Сергия получили возможность сослаться уже не на анонимный, а на совершенно конкретный источник информации о действительных взглядах священномученика Петра на происходившие в церковной жизни события. Летом 1929 года, как уже говорилось, посланцу епископа Дамаскина (Цедрика) удалось лично пообщаться с Патриаршим Местоблюстителем и передать ему пакет церковных документов. И хотя в результате священномученик Дамаскин и не получил никакого письменного ответа, сам факт подобной встречи дал ему достаточные, на его взгляд, основания свидетельствовать о позиции митрополита Петра как о позиции неприятия действий Заместителя. Можно еще раз процитировать его слова из письма, написанного по возвращении гонца от Местоблюстителя: *«Дедушка говорил о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами»*⁶².

В письме митрополиту Сергию от 14 октября 1929 года епископ Дамаскин, вопреки всем заявлениям Заместителя о поддержке его митрополитом Петром, писал ему как о чем-то совершенно очевидном: *«Общезвестен факт несогласия Патриаршего Местоблюстителя с принятым Вами курсом [церковной] политики»*. Относительно доклада епископа Василия священномученик Дамаскин в том же письме кратко заметил: *«Мы получали распространяемые Вашим синодом такие, напр[имер], письма, как письмо еп[ископа] Василия, правдивость коего м[итрополит] П[етр] с возмущением отрицает...»*⁶³

В следственном деле святителя Дамаскина 1934 года содержится копия приписываемой ему листовки следующего содержания: *«Извещаю Вас, что дедушка Петр предложил м[итрополиту] Сергию распустить незаконный синод свой, изменить свое поведение и принести покаяние перед Церковью и собратьями.*

Сдержит ли он это? Конечно, нет. Значит нам не по пути, не по дороге с ним.

*Убогий еп[ископ] Дамаскин»*⁶⁴.

В 1934 году священномученик Дамаскин писал священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу): *«Внешнее наше противостояние царству зла может выразиться разве в том, что мы имеющимися еще в нашем распоряжении средствами будем утверждать, подкреплять вместе с нами предстоящих суду меньших братьев наших единых с нами по духу, уясняя им путь наш, как правильный и со стороны канонической, как благословленный предстоятелем Росс[ийской] Православной Церкви, который из своего заточения поручил передать одному из собратий наших: “Скажите Вл[ады]ке X, что, если он с м[итрополит]том С[ергие]м, то у меня нет с ним ничего общего”»*⁶⁵.

Свидетельства епископа Дамаскина в кругах «правой» оппозиции были весьма значимы. Так, один из активнейших деятелей оппозиции на Украине, священник Григорий Селецкий (впоследствии игумен Иоанн) 17 сентября 1929 года писал митрополиту Иосифу (Петровых): *«Исполняю просьбу Высокопреосвященного архиепископа Димитрия <Любимова> и письменно излагаю те сведения, какие мне сообщил находящийся в ссылке епископ Дамаскин. Ему удалось наладить сношения с митрополитом Петром, послать через верного человека полную информацию обо всем происходящем в Русской Церкви. Через этого посланного митрополит Петр устно передал следующее:*

1. *Вы, епископы, должны сами сместить митрополита Сергия.*
2. *Поминать митрополита Сергия за богослужением не благословляю.*
3. *Киевский акт... об увольнении 16 епископов от занимаемых ими кафедр считать недействительным.*
4. *Письмо епископа Василия (Рязанского викария) сообщает неправду.*
5. *На вопросы отвечу письменно»*⁶⁶.

Как видно из приведенных в данном разделе документов, изображение отношения Патриаршего Местоблюстителя к деятельности Заместителя в них коренным образом зависит от того, из какого круга они происходили. Беспристрастному современному исследователю было бы весьма не легко установить, как обстояло дело в действительности, если бы не были открыты материалы, восходящие непосредственно к самому митрополиту Петру.

Из этих материалов видно: до святителя Петра доходили известия о том, что без его ведома его имя всячески пытались использовать, и не всегда с достойными целями. Об отношении митрополита Петра к некоторым попыткам такого рода можно судить по содержащимся в его следственном деле 1930 года *«Вытискаем из запи-*

⁶² Л[Онушанская] Е. Епископы-исповедники. С. 79; Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские. Ч. 1. С. 161.

⁶³ Архив УФСБ РФ по Брянской обл. Д. П-8979. Л. 89.

⁶⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31265. Л. 55.

⁶⁵ Там же. Л. 74.

⁶⁶ Антонов В. В. Ложь и правда // Русский Пастырь (Сан-Франциско). 1994. № 2 (19). С. 79-80.

сей П. Полянского», составленным, по-видимому, при перлюстрации его писем. Среди прочего, там говорилось: «Очень не приятно, что под моим именем распускают всякие нелепые сплетни; я не мог сказать того, что мне приписывают...

...Злонамеренные люди с умыслом распускают самые нелепые и позорящие слухи с целью восстановить против меня общественное мнение и дискредитировать мой моральный авторитет... Держусь непоколебимого христианского настроения и идеалов и потому не могу в свое служение Церкви вложить какое-либо раздвоение или пожертвовать им в пользу личного благополучия. Я считал бы себя бесчестным не только перед верующими, но и перед самим собою, если бы личные интересы предпочел своему долгу и любви к Церкви. Верую и умею нести свой крест. Отдаюсь на волю Провидения, памятуя, что всякое незаслуженное страдание является залогом спасения...

Единственное, что для меня, вероятно, осталось – это страдать до конца с полной верой в то, что жизнь не может быть уничтожена тем превращением, которое мы называем смертью»⁶⁷.

Данные слова очень ярко рисуют духовный облик митрополита Петра. Однако в «записях» не уточнялось, о каких именно сплетнях и слухах, отмечаемых священномучеником Петром в сознании своего долга и любви к Церкви, шла речь. Такое уточнение могло бы в значительной мере прояснить вопрос об отношении Патриаршего Местоблюстителя к текущим событиям церковной жизни. Несмотря на его отсутствие, судить о действительной позиции святителя Петра позволяют другие свидетельства.

Важнейшими документами здесь являются два его письма митрополиту Сергию, написанные им в декабре 1929 года и феврале 1930 года, его письма различным чинам ОГПУ (В. Р. Менжинскому, Е. А. Тучкову, И. В. Полянскому), датируемые 1931-1933 годами а также протоколы допросов, показания свидетелей и другие материалы, содержащиеся в следственных делах митрополита Петра.

Центральное место среди всех перечисленных документов занимает декабрьское письмо. С ним Патриарший Местоблюститель обращался к Заместителю дважды (второй раз с okazji летом 1930 года⁶⁸). Второе, февральское, письмо, по словам самого митрополита Петра, было написано, «чтобы остановить внимание»⁶⁹ митрополита Сергия на первом письме. В связи с этим следует рассмотреть его особенно детально.

«Ваше Высокопреосвященство, простите великодушно, если настоящим письмом я нарушу душевный покой Вашего Высокопреосвященства. Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти», – по всей видимости, речь прежде всего идет о сообщениях, доставленных Патриаршему Местоблюстителю гонцом епископа Дамаскина (Цедрика). «Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, Высшее Церковное Управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что <с должностью> Заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем текущего порядка...»

Вспоминается, что именно такое заявление рассматривалось епископом Максимом (Руберовским) не иначе как «злостная инсинуация», «корень зла», «нелепое обвинение», выдвигаемое против митрополита Сергия. Из письма святителя Петра следует, что обвинение Заместителя в *превышении власти* было не столь уж и нелепым, как думалось епископу Максиму (и не только ему). Полномочия Заместителя представлялись весьма ограниченными не только полемизировавшим с ним представителям «правой» оппозиции, но и самому Местоблюстителю (единоличное распоряжение которого, собственно, и было источником этих полномочий). «Я глубоко был уверен, – продолжал священномученик Петр, – что без предварительного сношения со мною Вы не предпринимаете ни одного ответственного решения, каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока со мною местоблюстительство и пока здравствует митрополит Кирилл, и в то же время был жив митрополит Агафангел...»

По всей видимости, написать эти слова митрополита Петра побудили в первую очередь материалы полемики митрополита Сергия с митрополитом Кириллом⁷⁰. В ходе этой полемики Заместитель, ссылаясь на отсутствие в тексте завещательного распоряжения митрополита Петра каких-либо оговорок, ограничивающих объем передаваемой власти, доказывал, что ему была передана вся полнота прав Патриаршего Местоблюстителя (а тому в

⁶⁷ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 68.

⁶⁸ См.: *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 361.

⁶⁹ Там же. С. 511.

⁷⁰ См.: Акты... С. 637-641, 644-657, 677-681. Содержание последнего письма митрополита Сергия, отправленного митрополиту Кириллу в начале января 1930 года, в декабре 1929 года митрополиту Петру стать известным еще не могло.

свою очередь вся полнота прав Патриарха). Своим письмом митрополит Петр фактически полностью лишил силы этот главный аргумент митрополита Сергия, давая по ходу дела и разъяснения по поводу отсутствия ограничительной оговорки в передаточном акте. *«Поэтому же, – писал он, – я и не считал нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей, для меня не было сомнений, что заместитель прав установленных не заменит, а лишь заместит, явит собой, так сказать, тот центральный орган, через который Местоблюститель мог бы иметь общение с паствой...»*

Интересно сравнить данное место со словами митрополита Кирилла из его письма епископу Дамаскину (Цедрику) от 19 июня 1929 года: *«Призвание м[итрополита] Сергия вовсе не в том заключалось и заключается, чтобы заменить своею персоною м[итрополита] Петра, но лишь заместить его, дать собою тот общедоступный центр, то место, через которое мысли, желания и руководственные указания м[итрополита] Петра, как Местоблюстителя, могли бы проникать в среду церковную»*⁷¹. Можно увидеть, что близость взглядов двух святителей по данному вопросу простиралась вплоть до использования ими одинаковых выражений (*«не заменит, а лишь заместит»*).

«...Проводимая же Вами система управления, – писал далее святитель Петр своему заместителю, – не только исключает это, но и самую потребность в существовании Местоблюстителя, таких больших шагов церковное сознание, конечно, одобрить не может. Не допустил я оговорок, ограничивающих обязанности заместителя, и по чувству глубокого уважения и доверия к назначенным кандидатам, и прежде всего к Вам, имея в виду при этом и Вашу мудрость...»

Через год с небольшим митрополитом Сергием в статье *«О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя»* по поводу отсутствия ограничительной оговорки будет уже заявлено, что *«по существу дела ее и не могло быть»*⁷². Как явствует из рассматриваемого письма священномученика Петра, ограничительная оговорка в акте передачи церковной власти митрополиту Сергию вполне могла быть и, более того, подразумевалась, но не была внесена Местоблюстителем в текст акта по причине его особого доверия к назначенным кандидатам – доверия, обернувшегося затем для него немалыми скорбями.

Изложив столь недвусмысленно свои взгляды на объем заместительских полномочий, митрополит Петр переходил к выражению своего отношения к деятельности митрополита Сергия по существу: *«Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению: о чем раздаются протесты и вопли со стороны верующих, от иерархов и мирян. Картина церковных разделений изображается потрясающей. Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению, побуждая обратиться к Вашему Высокопреосвященству с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в униженное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию ее предстоятелей. Равным образом прошу устранить и прочие мероприятия, превысившие Ваши полномочия. Такая Ваша решимость, надеюсь, создаст доброе настроение в Церкви и успокоит измученные души чад ее, а по отношению к Вам для общего нашего утешения сохранит то расположение, каким Вы заслуженно пользовались и как церковный деятель, и как человек. Возложите все упование на Господа, и Его помощь всегда будет с Вами»*.

Возвращаясь к словам епископа Дамаскина, адресованным митрополиту Сергию, *«общеизвестен факт несогласия Патриаршего Местоблюстителя с принятым Вами курсом ц[ерковной] политики»*, можно отметить, что, если несогласие священномученика Петра с деятельностью Заместителя и не стало в то время общеизвестным, оно, действительно, было фактом.

Далее в письме митрополит Петр, как *Первостоятель Церкви*, призывал всех священнослужителей и церковных деятелей проявить во всем, что касается гражданского законодательства и управления, полную лояльность. Патриарший Местоблюститель выражал надежду, что действительность не может указать среди представителей православного епископата и клира случай подобной нелояльности, поскольку на судах политических преступников не упоминается о представителях духовенства.

За выражением этой надежды следовал упрек митрополиту Сергию, фактически обвинявшему представителей Церкви в такой нелояльности. *«Я, – писал митрополит Петр, – охотно готов признать, что и само правительство давно убедилось в аполитичности Православной Церкви, и Вы, Владыка, можете себе представить: с каким воплем у нас должны отнестись священнослужители, особенно томящиеся в тюрьмах и ссылках, к голословному заявлению о словах и делах, а затем и о постигшей многих горькой участи...»* Заяв-

⁷¹ Л[опушанская] Е. Епископы-исповедники. С. 32.

⁷² Акты... С. 695.

ление «о словах и делах», названное священномучеником Петром *голословным*, содержалось непосредственно в июльской Декларации⁷³. Видно, что здесь этот главный документ митрополита Сергия не одобряется, а критикуется.

Наконец, в письме митрополит Петр дал свой комментарий и к истории с докладом епископа Василия (Беляева): «Между прочим, мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад. Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел»⁷⁴. Таким образом, по поводу данного доклада можно заключить, что фраза из письма священника Григория Селецкого «письмо епископа Василия сообщает неправду», с высокой степенью вероятности, действительно могла принадлежать священномученику Петру. Утверждение епископа Дамаскина о том, что *правдивость* письма епископа Василия митрополит Петр с возмущением отрицает, не было лишено оснований.

Второе, февральское, письмо Местоблюстителя, написанное в связи с отсутствием ответа на первое, по смыслу во многом ему аналогично, хотя и значительно мягче по тону. В этом письме митрополит Петр, в частности, писал: «Я постоянно думаю о том, что Вы являлись прибежищем для всех истинно-верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя»⁷⁵. Исполнен я душевной боли и о возникших раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях...

На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше замещение. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства...»⁷⁶

Таким образом, можно вполне определенно говорить, что, по крайней мере в тот момент, Патриарший Местоблюститель не желал полного удаления Заместителя от дел. Причиной этому было серьезное опасение того, что тем самым Церкви мог бы быть нанесен еще больший вред. Однако это нисколько не умаляло той настойчивости, с которой митрополит Петр призывал митрополита Сергия принципиально изменить образ своих действий.

Эта же позиция выражалась и в краткой сопроводительной записке к направляемой Заместителю летом 1930 года копии первого, декабрьского, письма: «...Прошу поглубже укрепить убеждение, что мое решение – предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия. Ваши полномочия есть Богом благословенные и имеют обязательную силу»⁷⁷. Вторую фразу здесь, очевидно, следует понимать в контексте первой.

Вскоре после этого обращения к митрополиту Сергию, в августе 1930 года, священномученик Петр был арестован (в ссылке)⁷⁸ и был уже полностью лишен возможности какого-либо общения с внешним миром⁷⁹.

⁷³ В Декларации митрополита Сергия, в частности, говорилось: «Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской Власти устройению церковной жизни на началах лояльности. Это – недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране... Людям, не желающим понять "знамений времени", и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. Такое настроение известных церковных кругов, **выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах** и навлекавшее подозрение Советской Власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения церкви с Советским Правительством» (Там же. С. 512, выделено мной. – А. М.).

⁷⁴ Там же. С. 681-682.

⁷⁵ Можно обратить внимание на то, что здесь, равно как и в декабрьском письме, митрополит Петр прямо не высказывался против самого возношения имени Заместителя за богослужением. Подлинность слов, приписываемых Местоблюстителю в письме священника Григория Селецкого, «помянуть митрополита Сергия за богослужением не благоговяя», таким образом, в настоящий момент подтверждена быть не может. Однако отвергать возможность произнесения священномучеником Петром такой фразы тоже нет достаточных оснований.

⁷⁶ Там же. С. 691.

⁷⁷ *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 511.

⁷⁸ По предположению иеромонаха Дамаскина, власти были *переполошены* именно письмами Местоблюстителя Заместителю (см.: Там же. С. 361).

В материалах следственного дела митрополита Петра 1930 года найти какие-либо заявления самого Местоблюстителя по поводу его отношения к действиям Заместителя не удалось. Можно обратить внимание на показания одного из свидетелей (некоего И. Г. Соколова, заведующего складом рыбного треста), согласно которым митрополит Петр *в проповеди к верующим* говорил: «*Мой преемник Сергей мне изменил, нарушил все наши планы, но когда я вернусь, направлю все дело, народ пойдет за мной*»⁸⁰. Насколько адекватно здесь переданы действительные слова священномученика Петра, можно только строить предположения.

Следствие, несомненно, было заинтересовано в том, чтобы придать высказываниям святителя Петра оттенок как можно большей «контрреволюционности», и ориентировало в соответствующем направлении и свидетелей. Однако и без свидетельских показаний из перехваченных ОГПУ писем Местоблюстителя Заместителю его критическое отношение к деятельности последнего было налицо. Очевидно, что для властей какие-либо идущие в разрез с линией митрополита Сергия выступления митрополита Петра, подчеркивавшего к тому же свое достоинство *Первостоятеля Церкви*, были более чем не желательны. Для того, чтобы впредь подобные выступления стали невозможны, были предприняты попытки добиться от священномученика Петра сложения первостоятельского звания, то есть отказа от местоблюстительства (следует полагать, в пользу Заместителя). С таким «предложением» к митрополиту Петру обратился в конце 1930 года преемник Е. А. Тучкова на посту начальника 6-го («церковного») отделения секретного отдела ОГПУ И. В. Полянский⁸¹.

По всей видимости, в случае принятия данного условия и официальной передачи титула и всех полномочий митрополиту Сергию священномученик Петр мог бы рассчитывать на освобождение. Однако, несмотря на то, что он уже был крайне измучен заключением, митрополит Петр отказался. В результате ссылка сменилась для него одиночной камерой со все более ужесточающимися, переходящими в совершенно нечеловеческие, условиями содержания⁸². Но и это не помогло властям добиться от священномученика Петра отречения от креста Предстоятеля Церкви.

В относящихся к тому периоду письмах митрополита Петра представителям ОГПУ есть отдельные места, касающиеся отношения Местоблюстителя к Заместителю. Судя по ним, каких-то принципиальных перемен это отношение со времени отправки двух писем митрополиту Сергию не претерпело.

В письме И. В. Полянскому от 11 марта 1931 года священномученик Петр, объясняя причины своего отказа сложить с себя местоблюстительские полномочия, писал: «...*Смена Местоблюстителя не повлечет ли за собой и смену его заместителя? Возможно, конечно, что мой преемник, если бы ему не пришлось непосредственно осуществлять свои обязанности, оставит заместителем то же самое лицо, это его право;*

⁷⁹ Остается открытым вопрос, получил ли митрополит Сергей письма митрополита Петра и насколько вообще они были известны в церковных кругах того времени. По утверждению иеромонаха Дамаскина (Орловского), предоставившего для публикации важнейшее, декабрьское, письмо, летом 1930 года Местоблюститель *предал его огласке* (Там же). Степень этой огласки, видимо, осталась весьма не высокой. Даже такому выдающемуся собирателю церковных документов той эпохи, как М. Е. Губонину, было известно только второе, значительно менее важное, письмо.

Однако о существовании писем Патриаршего Местоблюстителя Заместителю и их содержании в среде «правой» оппозиции все-таки были сведения. Так, 15 апреля 1934 года епископ Дамаскин (Цедрик) писал архиепископу Серафиму (Самойловичу): «*Нередко мне приходилось слышать, даже от самих сергиан, недоумение по поводу молчания Патриаршего Местоблюстителя в такой критический момент церковного недоумения. Говорят “почему же м[итрополит] Петр не выскажет своего авторитетного суждения по поводу происходящей церк[овной] разрухи, хотя даже рискуя еще более потерпеть за это? Ведь интересы Церкви должны быть для него дороже жизни?”*

А что, если м[итрополит] Петр такое слово свое уже сказал, но его приказчик, присвоивший себе права больше, чем были у самого хозяина, не слушает его? Что, если будет с очевидностью доказано, что со стороны м[итрополита] Петра дважды было послано м[итрополиту] Сергию распоряжение (хотя бы и без исходящего №) прекратить его узурпацию власти, “исправить допущенную ошибку... устранить и прочие мероприятия, превысившие его полномочия”. Как к сему отнесутся все “малодушные”, все неискренние сергиане, вся масса обманутых верующих?» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31265. Л. 74.) Видно, что здесь прямо цитируется декабрьское письмо Местоблюстителя.

Сам митрополит Сергей никак не обнаружил свою осведомленность о письмах митрополита Петра, но в силу ли незнания об их существовании, или по причинам, о которых писал священномученик Дамаскин, доказательно утверждать нельзя.

⁸⁰ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл. Д. 1740. Л. 42 об.

⁸¹ См.: *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 361. В статье А. Дейбнера «*Русские иерархи под игом безбожников*» содержатся сведения о том, что еще в конце 1926 года отказаться от местоблюстительства святителю Петру предложил сам Тучков. «*Митрополит Петр решительно не согласился на это и тогда же, – согласно свидетельству А. Дейбнера, – через католического священника латинского обряда, сидевшего с ним в одной камере, просил передать всем, что никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви*» (Акты... С. 406).

⁸² См.: *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 361-369.

но то, по моему мнению, несомненно, что исполнение обязанностей этим заместителем должно прекратиться одновременно с уходом замещаемого им лица...»

Из этих слов митрополита Петра видно: он был твердо убежден в том, что в сложившейся тогда ситуации митрополит Сергей не мог автоматически стать его преемником. Таковым, независимо от того, придется ли ему непосредственно осуществлять свои обязанности, или нет, должен был стать другой иерарх, имя которого святитель Петр не называл, но, очевидно, имел в виду упомянутого первым в патриаршем завещании митрополита Кирилла⁸³.

Вместе с этим священномученик Петр указывал на то, что в личном плане добрые отношения с митрополитом Сергием для него были очень дороги: «Я всегда был проникнут к митрополиту Сергию чувством глубокого уважения и признательности, и мысль о каком-либо ухудшении наших взаимоотношений повергла бы меня в невыразимую скорбь»⁸⁴.

В письме председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому от 27 марта 1931 года священномученик Петр, касаясь причин своего нежелания отказаться от местоблюстительства, среди прочего вновь приводил аргумент с заместителем: «...Моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия... К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 г.»⁸⁵

То есть митрополит Петр по-прежнему, с одной стороны, не желал устранения митрополита Сергия от церковного руководства, опасаясь возможных трений в церковной жизни в этой связи, но, с другой – не уходил и от вопросов, поднятых в его декабрьском письме.

Здесь, конечно, нужно не забывать, что письма, адресованные Менжинскому и другим представителям ОГПУ, нельзя рассматривать как полное и откровенное изложение митрополитом Петром своих взглядов. Главным для него было отстаивание собственной позиции: оставаться Местоблюстителем до конца с тем, чтобы не допустить усугубления внутрицерковных нестроений. Понимая, что уход митрополита Сергия для властей нежелателен, святитель Петр указывал им на то, что он должен был последовать в случае отрешения его самого от местоблюстительства. В той ситуации такой аргумент мог показаться едва ли не самым весомым.

В следственном деле священномученика Петра 1937 года («расстрельном») имеется рапорт помощника начальника тюрьмы, в которой содержался Местоблюститель, лейтенанта Яковлева от 3 августа, в котором последний писал, что в разговоре с ним «заключенный <митрополит Петр> выразил мысль, что Сов[етская] власть, “несправедливо” содержит его “невинного в заключении, добиваясь смерти”, т. к. из этого ничего не получится, ибо при его жизни уже назначено 3 заместителя в завещании, а каждый заместитель в свою очередь назначил 3-х заместителей и, таким образом, заместителей “хватит на 1000 лет”, как он выразился»⁸⁶. В данных словах (если, конечно, они действительно были сказаны⁸⁷) можно усмотреть косвенное подтверждение признания Местоблюстителем и в конце его жизни заместительского способа управления Церковью, а следовательно, и полномочий наличного заместителя – митрополита Сергия. Следует, однако, здесь быть особенно осторожным в выводах, учитывая ту исключительно тяжелую обстановку, в которой находился митрополит Петр (к тому времени считавшийся уже умершим повсюду, в том числе и митрополитом Сергием).

На основании всех выше рассмотренных свидетельств можно сделать следующее заключение по вопросу об отношении Патриаршего Местоблюстителя к Заместителю. Митрополит Петр явно был не согласен с политикой митрополита Сергия: прямо называл деятельность Заместителя *ошибкой, поставившей Церковь в*

⁸³ Второй кандидат в Местоблюстители – митрополит Агафангел к тому времени уже скончался, и митрополиту Петру это было известно.

⁸⁴ Акты... С. 880-881.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П-16935. Л. 2; *Нежный А.* Допрос Патриарха. М.: Грааль, 1997. С. 371-372.

⁸⁷ Возможность прямой фальсификации здесь исключать нельзя. Сомнений же в том, что слова митрополита Петра в рапорте переданы тенденциозно, не возникает, хотя бы в силу той интерпретации, которую тут же дал им лейтенант Яковлев: «Это, мне кажется, было сказано исключительно в том смысле, что данная им зарядка церковникам обеспечивает активную борьбу с Сов[етской] властью и к[онтр]р[еволюционную] деятельность их на бесконечно долгий срок» (Там же).

унизительное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию ее предстоятелей; указывал Заместителю на то, что тот *превысил свои полномочия*; настоятельно предлагал ему *исправить ошибку*. В своей оценке деятельности митрополита Сергия священномученик Петр во многом смыкался с такими представителями «правой» церковной оппозиции, как митрополит Кирилл (Смирнов).

Однако входить в состав «правой» оппозиции по самому своему положению Местоблюстителю не мог (ситуация, когда замещаемый принадлежит к оппозиции своему заместителю, выглядит довольно абсурдной). Также ему не было нужды отвергать указ от 21 октября 1927 года об обязательном поименовании Заместителя за богослужением, присоединяясь тем самым к движению «непоминающих»: указ этот, очевидно, не распространялся на святителя Петра, его самого как Первоиерарха должен был поименовать митрополит Сергей.

Будучи не согласным с политикой Заместителя, митрополит Петр мог бы попытаться выступить с заявлением о его смещении, но он этого не сделал. Едва ли объяснение этому следует искать в личном отношении святителя Петра к митрополиту Сергию, к которому он обращался, как к *самому близкому Архиерею*. Чувствуя *высокую ответственность* своего положения, но не имея возможности доподлинно войти в курс церковных дел, священномученик Петр мог только верить судьбу Русской Церкви в руки Божии. Приведем еще раз его слова из перехваченного ОГПУ письма какому-то, несомненно, близкому ему человеку: *«Я считал бы себя бесчестным не только перед верующими, но и перед самим собою, если бы личные интересы предпочел своему долгу и любви к Церкви. Веруй и умеи нести свой крест. Отдаюсь на волю Провидения, памятуя, что всякое незаслуженное страдание является залогом спасения... Единственное, что для меня, вероятно, осталось – это страдать до конца с полной верой в то, что жизнь не может быть уничтожена тем превращением, которое мы называем смертью»*.

При этом, очевидно, митрополит Петр понимал, что в сложившейся тогда ситуации любое его административное действие, в том числе распоряжение об отстранении Заместителя от высшего церковного управления *послужило бы не для блага Церкви*. Есть все основания полагать, что митрополит Сергей просто бы отверг такое распоряжение, как это он ранее уже сделал с распоряжением митрополита Петра о передаче местоблюстителства митрополиту Агафангелу в 1926 году, истолковав его, как *«совет лица безответственного»*. К тому же заинтересованность государственных органов в политике Заместителя была такова, что едва ли они допустили бы его удаление от реальной церковной власти. И об этом священномученик Петр не мог не догадываться. В итоге результатом решительного выступления митрополита Петра против митрополита Сергия мог бы стать только окончательный раскол в Русской Церкви. С одной стороны, был бы митрополит Сергей со своими сторонниками, чье положение в каноническом плане стало бы крайне сомнительным, но в плане административном едва ли бы как-то сильно изменилось. С другой – оставшиеся верными Местоблюстителю оппоненты митрополита Сергия, чье физическое уничтожение было только вопросом времени.

Прозревая такое развитие событий, святитель Петр, насколько это было в его силах, удерживал Русскую Церковь от раскола. Он не прибегал к запретительным мерам по отношению к Заместителю, не лишая тем самым окончательно его и его сторонников канонической опоры. Но в то же время, невзирая на то, скольких страданий ему стоило сохранение за собой звания Патриаршего Местоблюстителя, священномученик Петр оставался законным Предстоятелем Русской Церкви, что сообщало всем деяниям Заместителя, не получившим санкции Первоиерарха, известную меру условности. В результате все деяния митрополита Сергия, которыми он пытался поставить в положение раскольников всех не согласных с его политикой, инициированной ОГПУ (многочисленные прещения, объявление недействительными их таинств и т. д.), так и не получили силы церковных актов⁸⁸. Это неопровержимо подтверждается соборным прославлением в лике святых многих представителей «правой» церковной оппозиции наряду с теми, кто не порывал связи с митрополитом Сергием. Патриарший Местоблюститель – не Заместитель – явился тем канонически необходимым звеном, которое всех их связало с полнотой Вселенской Церкви. Во многом именно ценою мученических страданий святителя Петра разделение, спровоцированное деятельностью митрополита Сергия, не переросло в настоящий раскол и со временем было преодолено. Величайший подвиг священномученика митрополита Петра, который еще только предстоит осмыслить в полной мере, заключается в том, что благодаря ему на последней глубине было все же сохранено единство Русской Церкви в XX веке.

⁸⁸ Совсем иное значение имеет запрещение в священнослужении митрополитом Сергием григорианских самочинников, подтвержденное митрополитом Петром в послании от 1 января 1927 года (см.: *Акты...* С. 493).

Публикация осуществляется в рамках исследовательского проекта РГНФ 01-01-00296 а.